

доксальность, образность. Афоризмы А. И. Солженицына заключают в себе бесценный опыт многих поколений. Изящные, мудрые, остроумные афоризмы произведений автора останутся в памяти народов на века. Листая произведения Солженицына, читатель убеждается в жизненной ценности выражений писателя, в их глубинной значимости для восприятия своего самосознания и самобытности.

Список литературы:

1. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.

Сичинава Н. Г.
(Кутаиси, Грузия)

УДК 808.5

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

Ключевые слова: *прецедентный текст; реминисценции; аллюзии; прецедентное имя; интерпретация.*

Аннотация: *в данной работе сделана попытка рассмотреть прецедентные тексты в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». Автор анализирует разнообразные функции и способы апелляции к прецедентным текстам.*

Большое влияние на менталитет русской языковой личности всегда оказывала культурная, историко-литературная память. Особенно ярко этот феномен проявился в стремлении мастеров художественного слова к насыщению текста своих произведений «чужим словом», «чужим текстом», отражающими эту память.

Вопросы воспроизводства и восприятия цитатных единиц непосредственно в речевом общении привлекли особое внимание лингвистов после появления работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой он ввел понятие «прецедентный текст» (широко известный и значимый в познавательном и эмоциональном плане для говорящего) и рассмотрел апелляции к подобным текстам посредством цитат, имен, названий произведений как инструмент, отражающий коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности [3, с. 216–237]. Определение, данное Ю.Н. Карауловым прецедентным текстам, позволило включить в число этих феноменов самые разнообразные единицы – лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы: произведения архитектуры, живописи, музыки, как своего рода «тексты», составляющие значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Ю.Н. Караулов отмечал, что знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры [3, с. 105–106]. Национальный корпус прецедентных текстов является существенным элементом

культурной грамотности. В теории лакун Ю. А. Сорокина при рассмотрении культуротаксисов, т.е. сфер, создаваемых этносами вокруг себя для притяжения или отталкивания автохтонных или неавтохтонных моделей общения, прецедентные тексты определяются как вид лакун, который является наиболее диагностирующей степенью совместимости одного культуротаксиса с другим [7].

В свою очередь, созданная Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. В. Багаевой [4, с. 120] теория прецедентных феноменов рассматривается как важный этап в исследовании прецедентности и тесно связана с учением об интертекстуальности. Прецедент понимается Д. Б. Гудковым как «определенный стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума» [1, с.153]. Внутри прецедентов в широком понимании выделяется особая группа прецедентов, которую Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева называют прецедентными феноменами [4, с. 51]. К числу собственно прецедентных феноменов эти исследователи относят прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание [4, с. 130–131].

Использование в тексте художественного произведения прецедентных текстов, сюжетов, ситуаций, аллюзий, реминисценций является важным средством характеристики персонажа как языковой личности, отражением его жизненных установок, мотивов, целей, системы оценок. На формирование портрета того или иного персонажа существенное влияние оказывают такие факторы, как частотность обращения к текстовым реминисценциям в речи, точность в воспроизведении, умение распознавать их в речи собеседника или использовать адекватно своим коммуникативным целям, приверженность тем или иным стилистически маркированным текстам.

Прецедентные тексты повести «Раковый корпус» тесно связаны с жизненными событиями и переживаниями персонажей, отражающихся в их внутренней и внешней речи. Языковой состав этих прецедентных текстов зависит от социального статуса персонажа. В речи советского чиновника, начальника по «анкетным делам» Русанова отражается партийная идеология, формирующая систему его жизненных ценностей. Его речь изобилует штампами, отражает идеологический контекст эпохи. Так, например, на вопрос Костоглотова, почему его так раздражает, когда кто-то читает Льва Толстого, Павел Николаевич отвечает: «Пусть Островского читает. Больше будет пользы». Прецедентное имя «Островский» связано с широко известным советскому читателю текстом романа «Как закалялась сталь». В данном случае Русанов апеллирует не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени: роман Островского «Как закалялась сталь» относится к жанру социалистического реализма и отражает идеологию правящей партии.

В речи персонажей повести встречаются тексты, прецедентность которых обусловлена особенностями описываемой исторической эпохи, и, в силу этого, известные или неизвестные адресату. Так, для Русанова обладают ценностной значимостью тексты, используемые в дискурсе представителей советского общества. Ему не знаком рассказ Льва Толстого «Чем люди живы», но он очень хорошо осведомлен с оценкой Ленина, данной им личности и творчеству Льва Толстого в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», так как эта

статья входила в школьную программу советской школы. В данной статье, анализируя «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого», Ленин, в частности, отмечает: «С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, “толстовец”, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: “я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками”». Используемые Русановым реминисценции «зеркало русской революции», «рисовые котлетки» основаны на буквальном воспроизведении фрагментов статьи Ленина:

– Так это – не тот Толстой! – отозвался Дёмка из угла. – Это у нас – Лев Толстой.

– Ах не то-от? – растянул Русанов с облегчением отчасти, а отчасти кривясь. – Ах это другой... Это который – зеркало русской революции, рисовые котлетки?... Так сю-сюкалка ваш Толстой! Он во многом, оч-чень во многом не разбирался.

За определенным прецедентным текстом может стоять инвариант его восприятия. В повести отчетливо прослеживается негативное отношение к личности и творчеству Л. Н. Толстого со стороны представителей властных структур, в сознании которых идеи великого писателя предстают чуждыми и вредоносными. С «шипением и возмущением» бросает Русанов Ефрему Поддуеву, изложившему своими словами сюжет рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы»: «*Неужели другую пластинку завести нельзя? За километр несёт, что мораль не наша*». Одновременно с этим мы видим, какое сильное впечатление произвело прочитанное на Ефрема: он много понял, переоценил. Фраза из этого рассказа («Жив всякий человек не заботой о себе, а любовью») становится ценностным эталоном, который заставил его задуматься о жизни и смерти, понять, сколько зла он причинил людям и осудить себя: «*А вот по этой чудной книге так и получалось, что Ефем же во всем и виноват*».

Несовпадающие интерпретации возникают вследствие того, что объект проецируется на разные эталоны. Чем большее сходство наблюдается в системах ценностей, усвоенных отдельными членами социума, тем меньше в нем индивидуальных различий в процессе рецепции и интерпретации прецедентного текста. Поэтому в повести значительную роль играет фигура интерпретатора – индивида, берущего на себя распределение смыслов и ретранслирующего свою смысловую модель на других персонажей повести.

– Да при чём тут?! – вышел из себя Павел Николаевич. – Да это же махровая поповщина, так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдыкать...

– А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? – огрызнулся Костоглотов. – Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую изжогу? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!

Данный пример является ярким примером того, что интерпретация прецедентного текста может выходить за рамки определенной микрогруппы и ре-

транслироваться на весь социум, на всю историческую ситуацию. «Нравственные уроды» не могут создать здоровое общество.

Павел Николаевич Русанов привык жить только по инструкциям сверху. Ясное представление об особенностях мышления той социальной группы, которую он представляет, дает список цитируемых им прецедентных имен и текстов. Это прежде всего имена партийных лидеров – Ленина и Сталина, писателей – представителей соцреализма (М. Горький, Н. Островский, А. Толстой), газеты «Правда». Все свои поступки он сознательно подчиняет воле партийного руководства и признанных советских авторитетов, даже своего сына он называет в честь Берии Лаврентием. *«Кто это? – кажется, Горький – сказал: если дети твои не лучше тебя, то зря ты родил их, и жил ты тоже зря. А вот Павел Николаевич жил не зря».*

Начитанность и тягу к искусству, типичную для русской интеллигенции, демонстрируют ссыльные супругу Кадмины – гинеколог Николай Иванович и его жена Елена Александровна. Осужденные на вечную ссылку в ауле Уш-Терек на юге Казахстана «после волчьего лагеря», они стремятся к сохранению духовной связи с родными корнями. Это помогает им поддерживать в себе оптимизм. При описании образов Кадминых реминисценции используются писателем как особый эстетический код, который устанавливает точки соприкосновения внутреннего мира индивида и культуры человечества.

«Двухтомник Паустовского в книжный магазин привезли – радость!»

«... приёмник включён – и музыка, райская для арестантского уха и чистая при батарейном питании, – Пуччини, Сибелиус, Бортнянский – каждый день по выбору из программы включается в кадминской халупке».

Восстановлению культурно-исторической преемственности разных поколений русской интеллигенции служит сравнение Кадмина с героем романа Льва Толстого: *«Десять соток своего огорода разбивает Николай Иванович с такой замысловатостью и энергией, что куда там старый князь Болконский со всеми Лысыми Горами и особым архитектором».*

Прецедентные тексты повести участвуют в формировании культурных концептов, т.е. социопсихических образований, характеризующихся ценностной значимостью. Содержание прецедентного текста связывается с сознанием воспринимающего, интерпретируется им и освещается по-новому. Например, для того чтобы объяснить Костоглотову выражение «мягкое слово кость ломит», Кадмин обращается к тексту рукописной книги XV века «Толковой палеи», излагая сказание о Китоврасе. Содержание прецедентного текста переносится адресатом на современную ему действительность и участвует в формировании смысловой корреляции «Человек – Человек», второй компонент которой после переосмысления порождает метафору, уподобляющую человека волку: *«Кто это теперь даст ребро себе сломать в ответ на мягкое слово?.. И вот размышлял теперь Олег: этот Китоврас и эти писцы Пятнадцатого века – насколько ж они люди были, а мы перед ними – волки».*

В притче об Аллахе и человеке жизнь человека полностью отождествляется с жизнью животных: *«Первые двадцать пять лет будешь жить как человек. Вторые двадцать пять будешь работать как лошадь. Третьи двадцать пять будешь гавкать как собака. И ещё двадцать пять над тобой, как над обезьяной,*

смеяться будут...». Образные сравнения этой притчи вызывают в сознании читателя адекватные ассоциации, и лишь выражение «*будешь жить как человек*» остается необъясненным. Размышления над притчей привели Ефрема Поддубова к выводу, что ее мораль в том, что человеку досталось много ненужных лет и сам Ефрем не задумывается над ответом на вопрос, что значит «*жить как человек*», будучи уверенным, что ненужных лет нет, было бы здоровье.

Прецедентные имена, к которым обращается Шулубин, заключают в себе ценностную доминанту, раскрывающую смысл выражения «*жить как человек*». В трудах Владимира Соловьёва, Кропоткина, Михайловского, по мнению Шулубина, содержатся традиционные ценности русской культуры, представление о человеке как о существе, живущем по нравственным законам.

– *Раньше? Это у кого как. Например, Владимир Соловьёв довольно убедительно развивает, что можно и нужно экономику строить – на основании нравственности.*

– *Как?.. Сперва нравственность, потом экономика? – оцудело смотрел Костоготов.*

– *Да! Слушайте, русский человек, вы Владимира Соловьёва не читали, конечно, ни строчки?*

Костоготов покачал губами.

– *Но имя-то хоть слышали?*

– *В тюрьге.*

– *А Кропоткина хоть страницу читали? «Взаимопомощь среди людей...»? Всё то же было движение Костоготова.*

– *Ну да, он же не прав, зачем его читать!.. А Михайловского? Да нет, конечно, он же опровергнут и после этого запрещён и изъят.*

Обоснование необходимости тесной связи с национальной культурной традицией наполняет концепт человек новым смыслом, создавая преемственность в аксиологической картине мира в рамках диалога культур прошлого и настоящего. Шулубин мечтает об обществе, в котором «*все отношения, основания и законы будут вытекать из нравственности – и только из неё! Все расчёты: как воспитывать детей? к чему их готовить? на что направить труд взрослых? и чем занять их досуг? – всё это должно выводиться только из требований нравственности*».

Идейным противником Русанова в повести выступает Костоготов, не признающий аксиом, изрекаемых советскими вождями, хоть Лениным, хоть Сталиным, потому что «*Раз и навсегда никто на земле ничего сказать не может*».

Обращает на себя внимание тот факт, что в уста Костоготова Солженицын вкладывает значительное количество прецедентных текстов. Герой воспроизводит в своей речи пословицы и поговорки, латинские изречения, афоризмы. Тексты эти используются им в большинстве случаев в фасцинативной функции. Например, желая блеснуть своей ученостью, в разговоре с Русановым Костоготов «*... с самодовольством объявил, думая, что у него получается учёно:*

– *Один философ сказал: если бы человек не болел, он не знал бы себе границ*».

В данном случае это неточное воспроизведение цитаты из романа Л. Н. Толстого:

Во сне после Бородинского сражения Пьер Безухов как будто слышит чей-то голос: «Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого».

Прецедентный текст, как правило, – текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение у носителей языка. Использование прецедентного текста в персуазивной функции можно наблюдать в эпизоде, когда Костоглотов доказывает право пациента знать всю правду о своей смертельной болезни и прибегать к альтернативным средствам лечения для избавления от зловещей опухоли: *«Я только хочу сказать, что мы не должны, как кролики, доверяться врачам».* Он вновь обращается к цитированию с целью убеждения коммуникативных партнеров в правоте своей точки зрения: *«Вот был такой философ Декарт. Он говорил: всё подвергай сомнению!».* В данном примере Костоглотов неточно воспроизводит принцип французского философа Рене Декарта «*Dubito, ergo sum*» («Сомневаюсь, следовательно, существую»).

Перед нами образ человека, неимеющего образования, но с огромной тягой к знаниям и культуре. На читательское замечание, что Костоглотов «поражает незаурядностью своего поведения», А. Солженицын ответил, что стремился создать образ человека «с рядовыми жизненными задачами», без серьезного образования, но умного, подхватывающего знания на ходу. По признанию Солженицына, он сознательно обделил своего героя, чтобы «дать только национальный тип – каким делает лагерь всякого выжившего (цена выживания)», вся задача которого «сводится к отстаиванию своей жизни – и только».

Обращение к прецедентному тексту предоставляет писателю возможность охарактеризовать не только отдельного индивида, но и жестокую политическую машину, жертвой которой стали Костоготов и тысячи других людей. Примером может служить антитеза, в основе которой лежит латинский афоризм:

Римляне говорили: testis unus – testis nullus, один свидетель – никакой не свидетель. А в двадцатом веке и один – лишний стал, и одного-то не надо.

Апелляция к прецедентному тексту дает персонажам повести возможность предельно кратко изложить свое видение той или иной ситуации, выделить в ней наиболее существенные моменты, выразить свое отношение. Ярким примером может служить монолог Шулубина, в котором он пытается осмыслить свое место в данный исторический момент через обращение к строкам из поэзии А. С. Пушкина:

И когда о каждом из нас история спросит над могилой – кто ж он был? – останется выбор по Пушкину:

В наш гнусный век... На всех стихиях человек – Тиран, предатель или узник. Олег вздрогнул. Он не знал этих строк, но была в них та прорезающая несомненность, когда и автор, и истина выступают во плоти.

А Шулубин ему погрозил крупным пальцем:

– Для дурака у него и места в строчке не нашлось. Хотя знал же он, что и дураки встречаются. Нет, выбор нам оставлен тройкий. И если помню я, что в тюрьме не сидел, и твёрдо знаю, что тираном не был, значит... – усмехнулся и закашлялся Шулубин, – значит...

Наиболее распространенным видом прецедентных текстов традиционно являются пословицы и поговорки. В повести «Раковый корпус» они представлены

в изобилии и функционируют как в виде прямой цитации, т.е. дословно воспроизводятся персонажем в том виде, в котором эта поговорка сохранилась в памяти цитирующего, так и в виде аллюзий. Интересным примером может служить аллюзия на поговорку «Бочка меду, ложка дегтю – все испортит», которая указана в книге «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля в разделе «Хорошо – худо». Аллюзия помогает образно передать психологическое состояние Костоглотова, который излечившись от страшной болезни, потерял мужскую силу:

Дошла очередь до Костоглотова. Этот ждал их со смешанным чувством: они ж его как будто спасли, они ж его и погубили. Мёд был с дёгтем равно смешан в бочке, и ни в пищу теперь не шёл, ни на смазку колёс.

Ассоциативную адресацию к библейскому тексту можно уловить в названии 35 главы повести – «Первый день творения». В тексте «Книги Бытия» говорится, что в первый день Бог создал небо и землю, воду и свет, и отделил свет от тьмы. Посредством библейской реминисценции писатель передает чувство возвращения к жизни, которое испытал Костоглотов, покинув ранним утром больничную палату: *«Это было утро творения! Мир сотворился снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! живи!*

Таким образом, анализ текста повести «Раковый корпус» показал значимость прецедентного текста в ее структуре. За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, раскрывающая ценностные ориентиры и интенции персонажа. Включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами способствует актуализации прецедентных текстов в том или ином контексте повести.

Список литературы:

1. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Текст] // Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003.
2. Захаренко, И. В., Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Багаева, Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
3. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы – М. : Русский язык, 1986. – С. 105–126.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
4. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц в коммуникации [Текст] // В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаев. – Вестник МГУ. – 1997.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000.
6. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.3. Раковый корпус / А. Солженицын. – М., 2012.
7. Сорокин, Ю. А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – Вып. 4. – С. 3–9.
8. Тюрина, А. А. Проблема классификации прецедентных феноменов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 6. – 2006. – № 8(63). – С. 82–84.